17 НОЯ 1981

люди искусства

Дар понимания

Валерий КИЧИН

Его глаза Дон Кихота и сейчас смотрят на нас. Сколько киногероев, самых что ни на есть положительных, кануло в вечность, так и не застряв в памяти. А Деточкин застрял. Хотя в его действиях не было ничего достойного подражания. Ну, уводил автомобили. Озирался, вздрагивал — что хорошего? Потом приходили письма: чему учит этот фильм? Приходили письма и после выхода фильма «Ирония судьбы». Там герой тоже был небезгрешен. Напился, да еще в бане. А потом улетел в полном беспамятстве в Ленинград. Проник в чужую квартиру, улегся спать. И еще хозяйке нахамил. Любовь какая-то скороспелая... И вообще — не мелкотемье ли это? Что за служебные романы в рабочее время? Что за истории про учителя пения, у которого пропала собака, и целый школьный хор, которому надо готовиться к смотру, вместо этого ее искал? Что за страсти такие зоологические разгорелись вокруг гаражно-строительного кооператива в солидном учреждении по охране от окружающей среды?

Да, путь драматурга Эмиля Брагинского не был усеян розами. Его много критиковали за... мелкотемье. Потом, как водится, история все поставила на свое место, ибо зрители всех поколений год за годом охотно смотрели пьесы Брагинского, а вскоре стали смотреть и фильмы Брагинского, сделанные им совместно с прекрасным режиссером, соавтором и другом Эльдаром Рязановым. А также без него, с другими режиссерами. Зрителей очень много, пьесы в ряду самых репертуарных, а фильмы бьют рекорды посещаемости. Опасения опасливых не оправдались.

...Комедиографам не позавидуешь. Все любят смеяться, но никто не любит быть осмеянным. А смеяться хотят, поэтому требуют таких комедий, чтобы и посмеяться, и не обижаться. Но таких не бывает.

Брагинский не сразу понял, что комедия его жанр. Когда-то, еще не зная, что станет писателем, он учился в мединституте и готовился помогать страждущим. Потом стал репортером газеты «Советская Латвия», а позже журнала «Огонек». Медицина, журналистика — добрые профессии. С желанием помогать Брагинский вошел в литературу. И точку зрения себе избрал раз и навсегда нормальную — с уровня человеческого роста. Что, впрочем, не означало полемического задора по отношению к иной точке зрения. Он равным образом уважает в искусстве умение взлететь над грешной землей, увидеть дальние горизонты и к ним «улететь мечтой». Но настаивает — и в том, думаю, прав, — что нужно иногда возвращаться обратно. Ибо привыкнув смотреть все время вдаль, можно отвыкнуть замечать то, что рядом.

А рядом интереснейшие вещи. Самое высокое и поэтическое сочетается с самым прозаическим. Человек может объясняться в любви в кафе-молочной и от сильных переживаний глотать простоквашу. Одновременно. Смешно? Еще бы! Серьезно? Очень. Это эпизод из новой пьесы «Комната»...

Излюбленная ситуация Брагинского — когда смешивается несопоставимое. В его пьесах и фильмах много всяких ЧП: скоропостижно влюбляются, угрожают разводом и разводятся. Крадут картины и автомашины. Выигрывают десять тысяч по облигации, купленной на общественные деньги. И даже совершают убийства на литературно-исторической почве, как в повести Брагинского и Рязанова «Убийство в библиотеке». Брагинский мастер придумывать интригу, тот «анекдот», на котором строится и фабула, и все, что над ней. Суровые критики его пьес и сценариев обычно именно анекдотом и недовольны, они судят только на этом уровне и не хотят заглянуть за фабульный слой. Но анекдот тут лишь средство, придающее комедиям ясную и броскую форму.

Суть же в том, что писатель непоколебимо верит в добро. Оптимизм присущ ему изначально, отыскивать доброе начало в людях он сделал своей профессией.

Это все очень радостные открытия. Потому что верить людям, верить в людей не только приятно. Это и первейшая, наиболее естественная наша потребность.

Здесь одна из разгадок тайны популярности этих пьес и фильмов. Они — доброе зеркало. Правда о жизни многогранна. Она сложна. Брагинскому ближе ее светлая половина. Он верит в способность людей быть счастливыми.

У счастья тоже много версий. Кто-то убежден, что с любовью — рай в шалаше. В сознании кого-то рай загадочным образом связан с престижным мебельным гарнитуром и «жигуленком» у подъезда. Кто-то, напротив, видит счастье в том, чтобы щедро отдавать себя людям. В пьесах и фильмах по сценариям Брагинского «материальный фактор» вообще чаще всего опущен. Он появляется в них как повод поиронизировать, хотя и вполне беззлобно, над тем же фотографом Орешниковым, выигравшим в фильме «Зигзаг удачи» десять тысяч. Все это житейская, понятная, часто простительная, но в общем «суета сует».

Счастье может быть в том, что человеку удалось найти человека. Единственно необходимого. И герои Брагинского упорно ищут друг друга. Ищут на вьюжных просторах стандартных микрорайонов и в тесноте коммуналок, ищут в лабиринтах учрежденческих коридоров. Почти все, что он написал, — об этом.

«Раскрытое окно» — назвал свою первую комедию драматург. Было это в конце 50-х. До того писатель плохо верил в собственное чувство юмора. Он и теперь не умеет смешить специально. В его биографии есть только одна комедия, построенная на трюках и «гэгах» — «Необыкновенные приключения итальянцев в России», да и та появилась как бы вынужденно: итальянский продюсер картины требовал трюков, надо было выполнять условия контракта. Думаю, это все-таки самая слабая картина из всех, к которым причастен Брагинский. Это не его юмор. Когда в «Литературной энциклопедии» написали, что Брагинский работает в жанре эксцентрической комедии, он очень удивился.

Какова же механика смешного в его фильмах?

Мы не хохочем, не валимся от смеха в проход меж креслами. Нам просто хорошо и весело в зале, потому что герои умны. Брагинский щедро наделяет их самоиронией и дарит им собственное чувство слова — может быть, даже нерасчетливо щедро. Для постановщиков тут есть опасность: в неумелых режиссерских руках получается сплошное словесное пикирование. С самим автором мы тоже устанавливаем доверительный контакт. Потому что и в нем чувствуем умного, ироничного, доброжелательного человека, который уважает своих зрителей и не относится к ним, как к школьному классу, не вещает и не менторствует. Автор предполагает в зрителях ум, и это приятно. Ведь есть авторы, которые программно рассчитывают на тех, кто туго соображает. Они называют это писать доступно. На деле же сами существенно теряют в весе.

Он предполагает в зрителях наблюдательность. Нам весело оттого, что мы постоянно узнаем себя и своих знакомых, свою соседку по квартире, своих сослуживцев и родственников — нарисованных очень точно, хотя и с легким, как в дружеском шарже, преувеличением. Оттого эти комедии какие-то домашние, теплые, нам там уютно, мы там свои. Нам тепло от доброты. Это добрые комедии. Этюды в темных тонах — не жанр Брагинского.

Человека делает добрым дар понимания. Легко клеймить носителей порока. Труднее понять его истоки.

...Скажи мне, кто твой друг... Пишу эту статью и испытываю неловкость: что-то тут не так. Ну как писать об Ильфе без Петрова, как писать о Брагинском без Рязанова? Что кому принадлежит в их совместном творчестве, определить невозможно. Нам, зрителям, очень повезло: еще на заре 60-х в работе над сценарием, повестью и фильмом «Берегись автомобиля» встретились драматург Брагинский и режиссер Рязанов, который в ту пору скрывал, что он тоже драматург. Это люди очень разные — Брагинский худ, а Рязанов, как и полагается режиссеру, плотнее и как бы масштабнее. У них в общем разные темпераменты, и кажется, что, встречаясь за творческим столом, Брагинский должен все время агрессивно наскакивать на сангвинического Рязанова, а тот — обороняться с язвительной добродушностью. И в этих наскакиваниях рождается истина.

Впрочем, Брагинский утверждает, что это не стол, а диван и все дело в том, кто из авторов первым его займет — тогда другому поневоле придется водить пером по бумаге. А с дивана будут подкидываться идеи.

Так или иначе в разности темпераментов обнаружилось единство устремлений. В результате почти все, что было сказано о Брагинском, можно было бы сказать и о Рязанове. Они вместе написали сценарии фильмов «Берегись автомобиля», «Зигзаг удачи», «Необыкновенные приключения итальянцев в России», «Ирония судьбы», «Служебный роман», «Старики-разбойники», «Гараж», пьесы «Родственники» и «Сослуживцы», повесть «Убийство в библиотеке». Многие из сценариев были сначала пьесами, и судьба их складывалась подчас причудливо. Так, фильм «Ирония судьбы» был впервые снят не у нас, а в ГДР и шел там по телевидению с большим успехом.

Когда Рязанов, отложив в сторону перо, брался за режиссерский мегафон, Брагинскому становилось скучно, и он писал сценарии в одиночестве, их ставили другие режиссеры. Так появились фильмы «Учитель пения», «Шаг навстречу», «Суета сует», «Почти смешная история», пьесы «Игра воображения» и «Комната».

Сейчас они вдвоем написали новый сценарий «Вокзал для двоих».

Скажи мне, кто твой друг... Так получалось почему-то, что в пьесах и фильмах Брагинского всегда стремились играть хорошие актеры. Урбанский, Леонов, Андрей Попов, Мягков, Смоктуновский, Добржанская, Фрейндлих, Ахеджакова, Талызина, Польских, Евстигнеев, Миронов, Ефремов... В новой пьесе «Комната» роль Альбины, женщины, которая упрямо хочет быть счастливой, будет играть Ирина Муравьева из Театра Моссовета. Но пока там идут репетиции, эту роль уже прекрасно — Брагинский это настойчиво подчеркивает — сыграла Галина Ляпина во Владимирском театре. Вообще мы часто забываем о «внестоличной» жизни популярных пьес, а она чрезвычайно интересна. Тема встречи со счастьем, стремления к нему, умения ковать его своими руками — главная тема писателя. «Это ведь талант — быть счастливой», — восклицает героиня «Комнаты» Альбина. Бывают трудности, бывают бури и шквалы — какое отношение они имеют к понятию «счастье»? Можно быть несчастным в довольстве, можно быть неистово счастливым в самую некомфортабельную пору жизни.

Художник говорит нам о ценностях духовных. Он верит в людей, которые эти ценности создали и перед лицом любых невзгод первым делом бросаются на их защиту.

Поэтому так благодарно открыты драматургу сердца его зрителей.

● *Заслуженный деятель искусств РСФСР Э. Брагинский.*

Фото И. Зотина (ТАСС).